

ЛИТЕРАТУРА, МЕМОУАРЫ

«Русская мысль»

Мария Бэйкер

Время и смерть

28 января исполняется год со дня кончины Иосифа Бродского

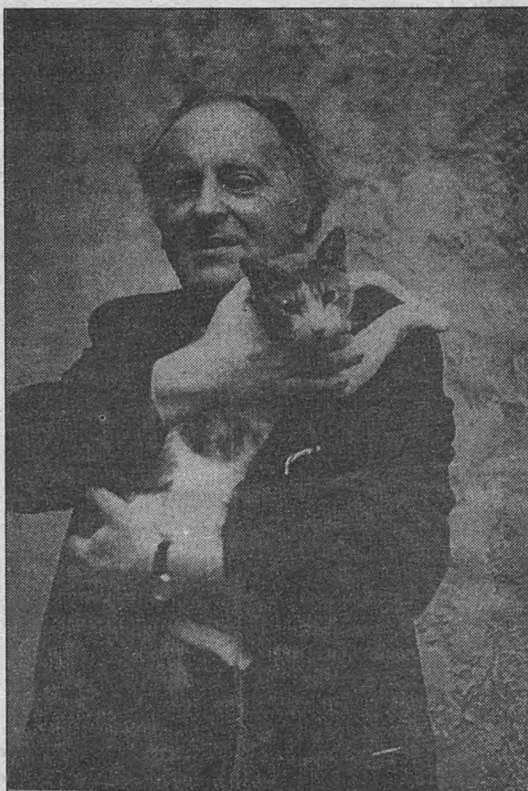
Голубой саксонский лес.
Грез базальтовых родня.
Мир без будущего, без —
проще — завтрашнего дня.

Мы с тобой никто, ничто.
Сумма лиц, мое с твоим,
очерк чей и через сто
тысяч лет неповторим.

культурной цепи в другое. Гамлетовское распадение связи времен тем и страшно, что оно губительнее смерти.

Именно поэтом в начале своей Нобелевской лекции Бродский говорит о поэтах-предшественниках, чьим наследником он себя считает:

“Эти тени смущают меня постоянно, смущают они меня и сегодня. (...) В лучшие свои минуты я каюсь себе как бы их суммой — но всегда меньшей, чем любая из них в отдельности. Ибо быть лучше них на бумаге невозможно; невозможно быть лучше них в жизни, и это именно их жизни, сколь бы трагичны и горьки они ни были, заставляют меня часто — видимо, чаще, чем следовало бы, — сожалеть о движении времени. Если тот свет существует — а отказать им в возможности вечной жизни я не более в состоянии, чем забыть об их существовании в этой, — если тот свет существует, то они, надеюсь, простят меня и качество того, что я собираюсь изложить...”

Иосиф Бродский со своим котом Миссисипи.
Нью-Йорк, 80-е годы.

Еще одним способом замедления хода времени является обращение к традиции. Традиции культурной, языковой, поэтической.

Вне традиции, как вне памяти, поэт оказывается один на один со Временем и бессилем сопротивляться его натиску. Напротив, следуя культурный опыт, продолжая вечно изменяющуюся и вечно длящуюся традицию искусства, поэт становится со Временем на равных.

Смерть перестает быть эквивалентом конца, а означает всего лишь переход из одного звена

формирует не только определенное мировоззрение, но и особую самодостаточность, свойственную верующим людям способность воспринимать всякое явление в контексте религиозного учения.

Он постоянно обращается к теме времени и в стихах, и в прозе; и чем обширнее становится его жизненный и творческий опыт, тем настойчивее высказывается идея о божественной сущности времени.

В книге “Водяной знак” Бродский пишет: “Я всегда придерживался мысли о том, что Бог или, по крайней мере, его дух — это время. (...) В любом случае, я всегда думал, что если Дух Божий движется над поверхностью воды, то вода непременно отражает Его. (...) Я просто считаю, что вода — это образ времени, и каждую новогоднюю ночь, в несколько языческой манере, я стараюсь оказаться около воды, предпочтительнее у моря или океана, чтобы наблюдать появление оттуда новой порции времени”. (Перевод автора статьи.)

Абсолютизация векторной направленности времени оказывает двойное воздействие на сознание поэта.

С одной стороны, трагичность и безвозвратность всякого ухода и расставания усугубляется бесстрастной стремительностью временного потока, с другой — память, как уже говорилось выше, становится самым верным средством познания реальности, единственной силой, способной приостанавливать ход времени.

Таким образом, чем сильнее ощущение необратимости, “прошлости” настоящего, тем глубже интерес к прошлому и отождествление с прошлым. Бродский настойчиво провозглашает “конечность” всякого начала.

*Нас других не будет! Ни
здесь, ни там, где все равны.
Оттого-то наши дни
в этом месте сочны.*

*Чем отчетливей в упор
профиль, пористость, анфас,
тем естественней отбор
напрочь времени у нас.*

Ты ушел к другим. Но мы
называем царством тьмы
этот край, который скрыт.
Это ревность так велит!

— написал он в 1965 году в “Стихах на смерть Т.С.Элиота”. (Здесь и далее русские тексты цитируются по изданию: И.Бродский, Форма времени: Собрание сочинений. В 2 т. Минск, “Эридан”, 1992.)

Для поэта, почитающего Мнемозину за хозяйку “пира” жизни, воспоминание, рефлексия, обращение к “толпе теней родных” — необходимые способы познания реальности. Предпочтение отдается прошедшему времени — как на грамматическом, так и на смысловом уровнях. Вернее, прошедшее эквивалентно настоящему в едином надвременном поэтическом опыте. Отсюда возможность диалога с умершим, обращения к нему во втором лице, разговора не о нем, а с ним. “Прими от меня эту рифму-лепту, которая если пройдет сквозь Лету, то потому, что пошла с тобой; опередившей меня стопую”, “Ты ожил, снилось мне, и уехал в Австралию”...

Анализируя жанровые особенности стихотворений “На смерть...” в эссе “Об одном стихотворении”, Бродский заметил, что этот жанр включает в себе элементы автопортрета. “Оплакивая потерю, (...) автор зачастую оплакивает — прямым, косвенным, иногда бессознательным образом — самого себя, ибо трагедийная интонация всегда автобиографична”.

В этом же эссе Бродский говорит о Времени как о высшей всеобъемлющей категории, познание сущности которой дается немногим избранным и является особым даром.

“В 1924 году Цветаевой было 34 года, (...) она уже знала о Времени нечто, о чем немногие из классиков, романтиков и ее современников догадывались. А именно, что жизнь имеет гораздо меньшее отношение к Времени, чем смерть (которая — длинней), и что, с точки зрения Времени, смерть и любовь — одно и то же: разница может быть замечена только человеком.”

Поэт, приобщенный к знанию о Времени, становится с ним на равных. Его голос обретает отрешенность и глубину, его взгляд проникает внутрь явлений, различая на всем клеймо Времени, сила его эмоций сокрушительна, так как ему ведома безвозвратность мгновения, его метафора бесконечна и распространяется на всю временную длительность.

“Время есть буквальное послесловие ко всему на свете, и поэт, постоянно имеющий дело с самовоспроизводящейся природой языка, — первый, кто знает это”.

Для Бродского знание о Времени — религиозное знание. Оно

ми по перу. Смотря вперед — в продолжение прошлого, он видит в смерти “уход к другим”, воссоединение с любимыми в измерении, где Время уже не имеет такой разрушительной силы.

С убежденностью христианина, верующего в спасение в Раю, Бродский говорит о встрече после жизни. “Я целую его в бровь, говоря: “Спасибо за все. Передай привет Уистану и моим родителям. Прощай”» (перевод автора статьи), — описывает он свое прощание со Стивеном Спендером в эссе, посвященном его памяти.

В последние годы Бродский все чаще обращался к теме смерти и все больше говорил с теми и о тех, кто уже перешагнул за черту Времени. Причиной этому отчасти была преследовавшая его болезнь, обостренное ощущение балансирования на краю жизни.

В написанном в 1995 году “Письме к Горацию” он обращается к античным поэтам как к старым друзьям, заочное знакомство с которыми скоро должно превратиться в очное и встречи с которыми он ждет почти с нетерпением.

И опять Бродский говорит о том, что именно они, великие поэты прошлого, “давшие поэзии язык и формы”, являются истинными адресатами его творчества.

Приведенные ниже заключительные строфы стихотворения “Сретенье” — описание смерти праведного Симеона. Стихотворение написано в 1972 году.

Он шел умирать. И не в уличный гул
он, дверь отворивши руками,
шагнул,
но в глухонемые владения смерти.
Он шел по пространству,
лишенному тверди,
он слышал, что время утратило звук.
И образ Младенца с сияньем
вокруг
пушистого темени смертной тропы
душа Симеона несла пред собою,
как некий светильник
в ту черную тьму,
в которой дотопле еще никому
дорогу себе озарять
не случалось.
Светильник светил, и тропа
расширялась.

Париж

В пятницу
31 января

Школа славяноведения
и изучения Восточной Европы
Лондонского университета
проводит

вечер памяти
ИОСИФА
БРОДСКОГО

Выступают:

Ш.Хини, П.Малдун, Н.Спендер,
Т.Литвинова, К.Джеймс,
Г.Максвел, Д.Майерс, А.Дженкинс

LECTURE THEATRE
Brunei Gallery,
Thornhaugh Street,
Russel Square,
London WC1
Начало в 19 ч.